

О. А. Габриелян

<https://orcid.org/0000-0003-0302-0229>**Русский мир: мифопоэтические основания идеологии**

Рассматривая культуру как «текст», к ней можно применить теоретические достижения литературоведения. В частности, осуществить методологическое расширение, используя мифопоэтику (понимаемую в классическом смысле) для изучения такого текста. Проблема в том, что подобный текст представляет собой феномен более сложного уровня, чем текст литературный. Культура как текст имеет различные измерения: семиотическое, мифологическое, идеологическое и др. В статье осуществляется отмеченное методологическое расширение по некоторым размерностям на примере феномена Русского мира. Не только обосновывается сама такая возможность, но раскрывается ее эвристический потенциал. Не менее важным представляется то, что мифология в своей мифопоэтической проекции на социально-политические процессы выступает как онтологическое основание для идеологии, без которой не обходится ни одно общество. Идеология как система ценностей в той или иной форме присутствует в любом обществе. Политики, исходя из своего видения социальных перспектив, посредством социально-гуманитарных технологий внедряют ее в общественное сознание. Эффективность этого процесса обусловлена тем, насколько адекватно идеология отражает мифопоэтику культуры конкретного общества, его мифологию. Идеология есть «технологизация» мифологии. Идеология выступает реальным механизмом претворения мифа в социальную жизнь. Идеология, как и мифология, объективно существует как регулятор человеческого поведения и регламентирует повседневную жизнь как образ желательного настоящего и будущего. В статье показано, как реализуются теоретические послышки при анализе Русского мира, которые также применимы к любому аналогичному социокультурному феномену. Исследование проблемы мифопоэтического обоснования идеологии Русского мира открывает перспективы использования выявленных механизмов в практике социального проектирования.

Ключевые слова: культура, текст, мифология, мифопоэтика, идеология, Русский мир, социальное проектирование.

O. A. Gabrielyan

Russian World: Mythopoetic Foundation of Ideology

Considering culture as a «text», theoretical achievements of literary criticism can be applied to it. In particular, to carry out methodological expansion, using mythopoetics (understood in the classical sense) to study such a text. The problem is that such text represents a phenomenon of a more difficult level, than the literary text. Culture as the text has various measurements: semiotics, mythological, ideological, etc. In the article this is done by the example of the phenomenon of the Russian world. Here is proved not only such a possibility, but are revealed its heuristic capabilities. No less important is the fact that mythology in its mythopoetic projection on socio-political processes acts as an ontological basis for ideology, without which no society can exist. Ideology as a system of values in one form or another is present in any society. Politicians, based on their vision of social prospects, through social and humanitarian technologies, introduce it into the public consciousness. The effectiveness of this process is due to the extent to which ideology adequately reflects the mythopoetics of the culture of a particular society, its mythology. Ideology is the technologization of mythology. Ideology acts as a real mechanism for the implementation of the myth in social life. Ideology, like mythology, objectively exists as a regulator of human behavior and regulates everyday life as an image of the desirable present and future. The article shows how theoretical assumptions are implemented in the analysis of the Russian world, but they are also applicable to any similar phenomenon. The study of the problem of mythopoetic substantiation of the ideology of the Russian world opens up prospects for the use of the identified mechanisms in the practice of social design.

Keywords: culture, text, mythology, mythopoetics, ideology, Russian world, social engineering.

Успехи социально-гуманитарных технологий, посредством которых сменяются государственные режимы, трансформируется геополитический рисунок мира, убеждают в том, что социальная философия должна обратить на эти вопросы самое пристальное внимание. Нам представляется, что ключевым среди них является вопрос идеологии. Нас интересует *проблема* онтологических оснований идеологии, почему она приобретает экзистенциальную силу в жизни человека. Утверждение о смерти идеологии оказалось преждевремен-

ным [9]. Идеология как система определенных ценностей всегда присутствует в любом обществе.

Постараемся раскрыть логику соотношения мифологии и идеологии. Механизмом их взаимодействия становится мифопоэтика в расширенном ее понимании, как мифологического сюжета, связывающего собственной логикой пространство социально-политического пространства. Анализируя ее, применяя мифопоэтику к современному политическому процессу как тексту, мы раскрываем потенциал не только новых исследовательских

горизонтов, но и возможность построения новых мифологем или модернизации старых для поиска ответа на актуальные вызовы истории эпохи постмодерна. Примером практического применения мифопоэтической интерпретации может служить осмысление мифопоэтики Русского мира в контексте современных политических реалий.

Изначально имеет смысл разобраться в онтологическом основании идеологии. Таким основанием выступает – мифология. Общепринятое представление о мифе заключается в том, что миф – это сакрально-повседневное осмысление мира архаическим человеком, когда иных форм сознательного описания и изучения этого мира еще не было создано. Не было философии и науки, теоретических и рациональных форм мироосмысления и миропостроения в мировоззрении. На наш взгляд, такой подход, когда мифологию и миф относят только к прошлому, не учитывает тот факт, что сознание человека навсегда архаично, в том же смысле как человек навсегда остается биологическим существом.

Мифологичность человеческого сознания является его природной особенностью, онтологическим основанием и методологическим принципом теоретических социальных и антропологических построений. Миф и сегодня продолжает выполнять все те же трансграничные функции в сознании, что и в архаическую эпоху своего бытия. Мы понимаем миф как «вещественно-жизненную реальность». Миф есть самая «подлинная и максимально конкретная реальность», «трансцендентально-необходимая категория жизни и мысли», конечно, именно для мифологизированного сознания. Но собственно иного сознания и нет в реальности [8, с. 74].

В сознании современного человека миф потеснен другими формами осмысления мира, но мы все же утверждаем, что он не может быть оттуда элиминирован полностью и окончательно. Миф как история о мире и месте человека в нем, по сути, объяснительная модель мира, то есть умное и чудесное миропостроение, творческое созидательное мировоззрение, продолжает свое инобытие в идеологии как технологии политического процесса практически неотделимого от социальной жизни. Идеология есть технологизация мифологии, процесс доведения ее в качестве конечного продукта до потребителя. Мифологема как сюжет мифа, сквозь который просвечивает архетип, фундаментальна, в то время как идеологема окончательный, готовый к потреблению продукт политического процесса. Поэтому миф и мифологема онтологичны, а идеология и идеологема повседневны. Идеология выступает реальным механиз-

мом претворения мифа в социальную жизнь. Идеология, как и мифология, объективно существует как регулятор человеческого поведения и регламентирует повседневную жизнь как образ желательного настоящего и будущего.

Нет правильных или неправильных идеологий. Они конкурируют между собой, так как предлагают проект обустройства общества. Эффективна та идеология, которая достигает общественного развития через согласие, а не насилие, пусть даже легитимное.

Однако куда важнее даже не то, как идеология расставляет акценты в повседневности – что читать, смотреть, в целом, потреблять, не то, как она конструирует для нас окружающий мир, сколько как она «расставляет» людей в социальные ниши и распределяет роли. При чем, они сами активно и самостоятельно в этом участвуют. По крайней мере, у современного государства есть разнообразный инструментальный воздействия на граждан, кроме грубой силы принуждения. Оно воздействует идеологически, включает человека в интерактивную игру, делая его со-участником процесса, со-автором идеологии и даже ее эстетизации. В этом сила и особенность идеологии. Здесь надо искать ответы на вопросы, которыми задается Филипп Лаку-Лабарт в своей статье «Поэтика и политика»: «Как получилось, что именно под названием того, что философия в момент своего установления определила, как политику, впервые наметились сущность, значение и функции поэзии и искусства? И каким образом философия, желая законодательствовать в политике и для начала, воспитания социального тела, оказалась перед необходимостью прежде установить законы в области искусства? Чем было искусство в ее глазах или скорее, что в нем было такого, чтобы его тут же, почти спонтанно, сочленили с политикой?» [6, с. 9-10]. Тут же припоминается «Государство» Платона с его мифопоэзисом. Здесь открываются новые горизонты для мифопоэтики, которая выходит за пределы литературы. Ее уже интересуют «проекции» мифа на политическую реальность как идеологический текст.

Идеология невозможна без композиции, сюжета, образа, без мифа и мифологем. Она опирается на них, структурирована ими. Более того, ей необходима своя эстетика. Только в этом случае она может быть успешной, вдохновляющей, по крайней мере, на начальном этапе своего рождения и зрелого триумфа [12].

Технологический процесс идеологизации на уровне конкретного человека одухотворяется им самим самостоятельно и становится для него ценностно значимым. Таким образом, приобретенный

идеологией креативный потенциал, обретает общезначимое качество и эстетизируется. Идеологии удается подняться на самый высокий уровень – смысла жизни, но и внедриться в самый низовой, повседневный уровень. Поэтому идеологию можно рассматривать как универсальный антропологический аспект жизни общества.

Повседневное сознание не углубляется в особенности соотношения мифа и идеологии. Оно не критично, так как мифологично. Оно не рационально, но по-своему вполне логично. Для него важна прагматика простых объяснительных схем и ритуалов в практике повседневности. Но тот, кто задумался над возможностями манипуляции социальными организмами, осознает перспективы их исследования [4]. Результатами уже пользуются как социально-гуманитарными технологиями в осуществлении, например, «цветных революций» и не только. Но эти технологии могут быть направлены и на созидательную работу.

Человек руководствуется экзистенциальной истиной, которая говорит ему, как поступать, что делать, как осуществлять выбор принципиально важный для его жизнедеятельности. Ни на один из этих вопросов нет объективных ответов. Все они несут на себе печать мифологичности. Человек живет в мифе и с ним и уже, поэтому миф реален, а мифические явления различаются только степенью своей бытийной напряженности [3, с. 16].

Экзистенциализация (проживание и переживание), рационализация (осмысление) и эстетизация (воображение) идеологии сохранились и в нашу современную эпоху. Ее роль в личностной идентификации не уменьшилась, а стала еще более значимой. Однако произошли и кардинальные изменения, почему наша эпоха и получила название постмодернистской.

Но почему мы нуждаемся в мифологии и идеологии постоянно творим их. Ответ можно найти у Р. Барта: «Дело в том, что идеологизация и ее противоположность, вероятно, представляют собой все те же магические типы поведения, вызванные слепым страхом, завороченностью перед лицом разорванного социального мира» [2, с. 130]. В политике мифотворится настоящее и предлагается народу в виде идеологической утопии, то есть места которого нет, но к которому надо идти. Идеология предлагает человеку и обществу оптимальную (для власти) модель индивидуального поведения, руководство к действию для массового субъекта социальной активности. Если политики это делают в соответствии с ментальностью народа, его ожиданиями, то этим достигается внутренняя политическая стабильность общества, преодолевается страх социального хаоса. «Миф объ-

ясняет в равной мере как прошлое, так и настоящее, и будущее. Ничто не напоминает так мифологию, как политическая идеология. Быть может, в нашем современном обществе последняя просто заменила первую» [7, с. 186]. Идеология выступает реальным механизмом претворения мифа в социальную жизнь.

Со всеми своими коннотациями *Русский мир* представляет собой развитую мифологию. Основу ее составляет *русская идея*. Она выступает эйдосом и идеологемой *Русского мира*. Мифопоэтика *Русского мира* очень мощная, если вспомнить имена, которые интеллектуально и культурно создавали его смысловой каркас. Очевидно, нет причин от него отказываться. Не удивительно, что именно на этот интеллектуальный потенциал и пытается опираться и народ, и церковь, и власть современной России. Мифология *Русского мира* создается в культурном поле, закрепляется в структурах повседневности и, прежде всего, в школе, языке, семье, обычаях жизни народа вне рамок очерченных государственных границ. Повседневная жизнь, пропитанная мифологией и ее сознательным или бессознательным применением в буднях, является мощной основой *Русского мира*. Разрушить ее возможно, если разрушить сам миф. Но, вообще говоря, мифы неразрушимы. Их можно только вытеснить новыми мифами. В Украине попытались осуществить эту процедуру путем вытеснения русского языка как носителя мифа *Русского мира*. Осознание оппонентами и откровенными врагами России фундаментальной значимости этого мифа для ее судеб и диктует ту ожесточенную критику, которая сегодня развернулась на страницах книг, журналов, газет, в электронных СМИ, телевидении, интернете – везде, где есть площадка социальной коммуникации.

Причем можно выделить несколько уровней дискуссии. Первый – академический, культурологический. Удержаться на нем в нынешнем межцивилизационном, межгосударственном противостоянии очень сложно. Второй – идеологический. Здесь применяется обычный и полный арсенал информационной, пропагандистской войны. Любой культурологический текст с легкостью реформируется в идеологический. Уже по одному только критерию идеологичности он заносится в разряд ложных. В связи с этим можно только рекомендовать придерживаться того методологического тезиса, что любое общество идеологично и в этом нет никакой ущербности. Более того, это естественное его состояние, так как оно писанной, а чаще неписанной системой ценностей регламентирует социальную жизнь.

Резюмируя многочисленные рассуждения о *Русском мире* его можно описать в общих и общепринятых чертах следующим образом. *Русский мир* – субъект глобализирующегося мира. Это проект, имеющий основание в прошлом, творческое развитие в настоящем и проекцию в будущее. *Русский мир* – это пространство народов, сообществ и людей, осознающих свою причастность к России через язык и культуру. Слово «русский» указывает, прежде всего, на исторические корни этой общности, сплачивающую и координирующую роль русского народа, а слово «мир» – обозначает всех причастных к нему людей. *Русский мир* – это цивилизационное, социокультурное пространство людей, которые обладают духовными и ментальными признаками *русскости* и неравнодушны к судьбе и месту России в мире, так как от этого зависит и их собственная судьба. Этот мир как особая цивилизация обладает собственными механизмами саморазвития и саморегуляции. Как у любой цивилизации у *Русского мира* свой ответ на вопрос: что есть общество и какое место занимает в нем человек. Этот ответ определяет модель социального поведения индивида и соответствующую структуру общественных институтов. *Русский мир* – это композиция разнородных культур, синхронизирующая их развитие. Процесс этот нелинейный и должен учитывать и учитывает особенность каждой из них. Здесь идет постоянный поиск адекватных времени моделей и форматов совместного бытия. Этот мир принимает самобытность культур наравне с русской, тем самым в нем находит свое место каждый народ и человек. *Русский мир* создается совместно, народы творят его вместе, а не рядом. Здесь действует принцип семьи культур. Это единство народов, сообществ и людей, для которых Россия – общий дом. Солидарность особое качество этого мира. Единство всегда, в истории Русского мира, порождало синергию.

Русский мир оказался шире исконного мира этнически русского человека – человека леса. В XIX в. в этот мир вошла степь (вспомним А. Чехова), а в XX в. – пустыни Средней Азии («горячая Арктика» по А. Платонову). Все это начало культурно осваиваться и стало естественной частью *Русского мира* вместе с народами, населяющими эти пространства. Колоссальную значимость имеет не только феномен этого социокультурного освоения, но и его экзистенциальный характер. Все включенные в этот процесс оказались вовлеченными в него лично, на уровне повседневного существования, вросли в него своими конкретными судьбами, через которые шел и

идет диалог культур, религий, сопряжение национальных культурных космосов.

При всей огромной значимости и роли русского народа в формировании *Русского мира*, этот мир не является его единоличным достижением. Это феномен, родившийся в непростом взаимодействии и взаимодополнении народов и их культур. Любой народ России, имеющий право на это наследие и отказывающийся от него должен быть готовым к колоссальному творческому труду – создавать в одиночку свой мир. В эпоху глобализации сделать это практически невозможно. Идет ориентация на сложившиеся цивилизационные пространства в любых ее толкованиях: Н. Данилевского (русского культурно-исторического типа), П. Сорокина (русской социальной суперсистемы), С. Хантингтона (ортодоксальной цивилизации), И. Валлерстайна (русской мир-империи). Каждый народ вплоть до каждого его представителя прямо или косвенно отвечает для себя на вопрос: к какой цивилизации он принадлежит, где он свой и где он маргинал?

Русский мир отдельная цивилизация, Россия цивилизационное ядро евразийского пространства. История *Русского мира* представляет собой неотъемлемую часть мирового исторического процесса. *Русский мир* – сотворчество общего мифа, имеющих общую историю народов, их общественный договор. *Русский мир* – это сохранение и развитие традиционных ценностей. Его основа – византийское наследие. Державность ключевая особенность *Русского мира*. Она несет определенную миссию, и обладает собственным цивилизационным характером. Народы *Русского мира* сопричастны судьбе российского государства. Русская мечта – возможность справедливого мира. Русский язык – связующий элемент и охранительный код. Общий язык важен для взаимного понимания и принятия других народов и культур в семью. «*Русский мир* – сетевая структура больших и малых сообществ, думающих и говорящих на русском языке» (П. Г. Щедровицкий) [1].

Русский мир устроен по коллажному принципу: его составляющие по многим параметрам могут существенно различаться, быть несоизмеримыми у разных народов в него входящих, но каждый должен видеть себя его неотъемлемой, принципиальной и конституирующей частью, без которой *Русский мир* будет неполным в своей целостности и единстве.

Модальность (способ существования) *Русского мира*: взаимообусловленность народов, сконцентрированных вокруг России самой логикой истории. Восемнадцатый век «длинный век» русской истории, когда окончательно сложилось цивили-

зационное ядро *Русского мира* – поэтому Петр – Первый, а Екатерина – Великая. Пространство Русского мира то расширялось, то уменьшалось, но неизменным оставалась уже внеисторическая неразрушимая мифология его бытия.

Принципы, конституирующие *Русский мир*: равенство народов Русского мира в его созидании, в пользовании его достижениями, в поступательном совместном развитии; общность истории и совместных побед, общая историческая память; совместный труд по освоению пространства *Русского мира*; поликультурность и поликонфессиональность – потенциал его развития; диалогичность культуры повседневности.

Патриарх Кирилл выделяет пять ключевых элементов *Русского мира* из пяти эпох его истории: веру, державность, справедливость, солидарность и достоинство [5]. Вместе с православной церковью мифологию *Русского мира* должны творить и созидать все: и творческий класс, и каждый человек этого мира, в том числе и на уровне повседневности. А власть, безусловно, не преминет использовать эти наработки в идеологии. В этом ее прямая политическая обязанность и она это осознает. На встрече с творческой интеллигенцией в Доме Державина в Санкт-Петербурге в 2006 г. В. В. Путин заявил: «Русский мир может и должен объединить всех, кому дорого русское слово и русская культура, где бы они ни жили, в России или за ее пределами. Почаще употребляйте это словосочетание – «русский мир». Так миф *Русского мира* превращается в идеологию, такова логика политического процесса.

Очевидно, что миф *Русского мира* мы рассматриваем не в смысле вымысла, некой фикции, а реальности, в которой живет человек, которая обладает для него исключительной значимостью. Во-первых, такой миф предлагает ему стройную систему мировоззрения в его собственной культуре. В культуре, в которой происходило его становление и социализация. Именно поэтому для подавляющего числа людей *Русского мира* его существование и восприятие совершенно естественный феномен, не требующий доказательства. Те, кто приобщается к *Русскому миру* в силу тех или иных личных или исторических обстоятельств, проходит процедуру перекодирования с одной культуры на другую или, по крайней мере, возникает необходимость осуществить процедуру согласования собственной культуры с кодами культуры *Русского мира*. Во-вторых, отмеченный процесс обеспечивает самоидентификацию человека, то есть отвечает на экзистенциальные для него вопросы: «Где его Дом?» и «Кто он?». Вовлеченность его в культуру, пусть даже только на уровне

повседневности, дает ему возможность, по сути, ответить на вопрос о смысле жизни: «Для чего он?». Принадлежность к *Русскому миру* дает сегодня ее члену цивилизационную идентичность, более сложную, чем просто этническую и культурную. В сегодняшнем сложном мире такая идентичность выполняет роль лоции, так как позволяет находить ответы на крайне важные экзистенциальные вопросы, например, этический: «Что есть добро и зло?».

Цивилизация формируется как определенная модель социального поведения человека и его взаимодействия со структурой общественных институтов. Очевидно, таким характеристикам вполне соответствует *Русский мир*. А. С. Панарин очень точно написал о цивилизационной идентичности России. Проблема не в ее имперскости, а в том, что без собственной цивилизационной идентичности она встает перед угрозой исчезновения [10, с. 61-62]. Но отмеченное предполагает свой цивилизационный проект. У России был имперский проект «Третьего Рима», «красный проект». В процессе их осуществления формировалась Россия. И сегодня перед ней стоит та же задача: предложить миру очередной мессианский (эскизный проект будущего) и миссианский (проект, реализуемый в практике государственного строительства и международных отношений) проекты. «Ряд экспертов полагает, что на место глобализации Россия должна выйти с инициативой мироизации, то есть безусловного признания абсолютного права на самостоятельную мировую политику всех народов, стран, транснациональных и иных сообществ мира, права каждого общества строить свой собственный мир как вклад в мироразвитие, как всеобщее дело человечества и без ущерба для любого иного всеобщего мира. Курс на мироизацию фактически означает требование организации справедливого миропорядка и складывание нового мирового сообщества» [11, с. 44]. Ключевым словом здесь является «справедливость». Оно выступает корневым, смыслообразующим понятием самой повседневности *Русского мира*.

Он не стремится к унификации культур, но старается унифицировать социальные институты этих культур, тем самым пытаясь синхронизировать развитие культур разных народов. Как уже отметили выше, композиция разнородных культур и создает уникальность *Русского мира* как цивилизационного целого. Отсюда здоровый консерватизм культур народов России, опирающийся на традиционные ценности. *Русский мир* принимает их и отстаивает. Модель *Русского мира* кооперативная. В ней народы создают огромный и ком-

плексный коллаж, где культуры совместны и совместимы, а не существуют рядом изолированно. *Русский мир* – это постоянный поиск адекватных времени и историческим вызовам новых моделей и форматов взаимодействия, чтобы не рассыпался коллаж.

Возможно, кому-то покажется, что такие рассуждения крайне отвлеченные и не имеют отношения к повседневности. Однако, в нашу жизнь независимо от нас, сегодня врываются вопросы о ювенальной юстиции, гендерных правовых коллизиях. Пока они единичны, но усиливающаяся тенденция просматривается явно. Остаться в стороне от этого процесса невозможно, следовательно, поздно или рано придется самоопределяться.

Библиографический список

1. Алейникова, С. М. «Русский мир»: белорусский взгляд [Текст]: монография / С. М. Алейникова. – Минск: РИВШ, 2017. – 240 с.
2. Барт, Р. Из книги «Мифологии» [Текст] / Р. Барт // Барт Р. Избранные работы. Семиотика. Поэтика. – М., 1989.
3. Габриелян, О. А. Мифотворчество в социокультурном контексте политики [Текст] / О. А. Габриелян // Ученые записки Таврического национального университета им. В. И. Вернадского. – Том 14 (53). – № 1. Политические науки. – Симферополь, 2001.
4. Гройс, Б. Политика поэтики [Текст] / Б. Гройс. – М.: ООО «Ад Маргинем Пресс», 2012. – 400 с.
5. Кирилл, Патриарх Московский и всея Руси. Семь слов о Русском мире [Текст]. – М.: ВРНС, 2015.
6. Лаку-Лабарт, Ф. Поэтика и политика [Текст] / Ф. Лаку-Лабарт // Поэтика и политика. Альманах Российско-французского центра социологии и философии Института социологии РАН. – СПб.: Алетейя, 1999.
7. Леви-Строс, К. Структурная антропология [Текст] / К. Леви-Строс. – М., 1985.
8. Лосев, А. Ф. Диалектика мифа [Текст] / А. Ф. Лосев // Лосев А. Ф. Философия. Мифология. Культура. – М., 1991.
9. Мусихин, Г. И. Очерки теории идеологий [Текст] / Г. И. Мусихин. – М.: Изд-во ВШЭ, 2013. – 288 с.
10. Панарин, А. С. Православная цивилизация в глобальном мире [Текст] / А. С. Панарин. – М., 2002.
11. Полоскова, Т., Скринник, В. Русский мир: мифы и реалии [Текст] / Т. Полоскова, В. Скринник. – М.: Московский фонд «Россияне», 2003.
12. Хелльбек, Й. Повседневная идеология: жизнь при сталинизме [Электронный ресурс] / Й. Хелльбек //

Неприкосновенный запас. – 2010. – № 4 (72). – URL: <https://magazines.russ.ru/nz/2010/4>

Reference List

1. Alejnikova, S. M. «Russkij mir»: belorusskij vzgljad «Russian world»: a Belarusian view [Tekst]: monografija / S. M. Alejnikova. – Minsk: RIVSh, 2017. – 240 s.
2. Bart, R. Iz knigi «Mifologii» = From the book «Mythologies» [Tekst] / R. Bart // Bart R. Izbrannye raboty. Semiotika. Pojetika = Bart R.. Selected works. Semiotics. Poetics. – M., 1989.
3. Gabrieljan, O. A. Mifotvorchestvo v sociokul'turnom kontekste politiki = Formation of myths in the sociocultural context of policy [Tekst] / O. A. Gabrieljan // Uchenye zapiski Tavricheskogo nacional'nogo universiteta im. V. I. Vernadskogo. Scientific notes of Taurian national university named after V. I. Vernadsky. – Tom 14 (53). – № 1. Politicheskie nauki. – Simferopol', 2001.
4. Grojs, B. Politika pojetiki = Policy of poetics [Tekst] / B. Grojs. – M.: ООО «Ad Marginem Press», 2012. – 400 s.
5. Kirill, Patriarh Moskovskij i vseja Rusi. Sem' slov o Russkom mire = Kirill, Patriarch of Moscow and all Russia. Seven words about the Russian world [Tekst]. – M.: VRNS, 2015.
6. Laku-Labart, F. Pojetika i politika = Poetics and policy [Tekst] / F. Laku-Labart // Pojetika i politika. Al'manah Rossijsko-francuzskogo centra sociologii i filosofii Instituta sociologii RAN. Poetics and policy. Almanac of the Russian-French center of sociology and philosophy of the Institute of sociology of RAS. – SPb.: Aleteja, 1999.
7. Levi-Stros, K. Strukturnaja antropologija = Structural anthropology [Tekst] / K. Levi-Stros. – M., 1985.
8. Losev, A. F. Dialektika mifa = Dialectics of the myth [Tekst] / A. F. Losev // Losev A. F. Filosofija. Mifologija. Kul'tura. Losev A. F. Philosophy. Mythology. Culture. – M., 1991.
9. Musihin, G. I. Oчерки teorii ideologij = Essays of the theory of ideologies [Tekst] / G. I. Musihin. – M.: Izd-vo VShJe, 2013. – 288 s.
10. Panarin, A. S. Pravoslavnaja civilizacija v global'nom mire = Orthodox civilization in the global world [Tekst] / A. S. Panarin. – M., 2002.
11. Poloskova, T., Skrinnik, V. Russkij mir: mify i realii = Russian world: myths and realities [Tekst] / T. Poloskova, V. Skrinnik. – M.: Moskovskij fond «Rossijane», 2003.
12. Hell'bek, J. Povsednevnaja ideologija: zhizn' pri stalinizme = Daily ideology: life at Stalinism [Elektronnyj resurs] / J. Hell'bek // Neprikosnovenyj zasop. – 2010. – № 4 (72). – URL: <https://magazines.russ.ru/nz/2010/4>